

Сияние

Автор:

[Грейс Дрейвен](#)

Сияние

Грейс Дрейвен

Призрачные короли #1Ромэнтези

НЕНУЖНЫЙ ПРИНЦ

Бришен Хаскем, принц Каи, был вполне доволен своим статусом последнего в очереди на престол. Однако торговый и политический союз между человеческим королевством Гаур и королевством Баст-Харадис требует заключения брака с девушкой гаури. Бришен соглашается на свадьбу и обнаруживает, что невеста уродлива, как он и ожидал... и прекрасней, чем он мог себе вообразить.

НЕНУЖНАЯ ДЕВУШКА

Ильдико, племянница короля Гаура, всегда знала, что ее единственное предназначение – политический брак. Смирившись со своей судьбой, она сталкивается с неожиданной новостью: ее жених – не просто аристократ-иностранец, а младший принц и притом даже не человек. Если она свяжет с ним свою жизнь, то навсегда будет отрезана от своего прошлого. Ей придется посвятить себя мужчине, окутанному покровом тьмы, но чья душа хранит в себе свет.

Они оба угодили в ловушку долга и политики и обречены быть вместе вопреки всем, кто желает их разлучить.

Грейс Дрейвен

Сияние

Посвящается всем, кто вдохновил меня и помог превратить мечты в реальность:

Мел Сандерс, Лоре Гасуэй, Исис Соуза, Эмме Рикс, Ким Сэйр и Шерил Шницер.

Спасибо!

Глава 1

Свадьба Ильдико назначена на сегодня, и если ее не стошнит на себя или кого-нибудь из гостей, можно будет считать успех оглушительным.

Горничные старались не встречаться с ней глазами, пока затягивали шнуровку на платье и укладывали аккуратными складками шлейф, но Ильдико то и дело ловила их скользящие взгляды, полные ужаса и сочувствия. Она приказала себе не обращать внимания. Политический брак – судьба почти каждой девушки знатного происхождения в Гауре, заключается ли он ради власти, торговли или на благо государства. Его величество Сангур Хромой выдал обеих своих дочерей за принцев соседних государств в обмен на военную поддержку и право пользоваться портами. Племянница короля не станет исключением.

Ильдико и не ожидала ничего другого. Вопрос был только в том, когда ее выдадут замуж.

Неожиданностью стало то, что жених – принц каи. Мысль неприятно царапнула. Рот наполнился слюной, и к горлу подкатила тошнота. Стоя на высоком стуле, она закрыла глаза и пошатнулась. Чья-то рука схватила ее за ногу и помогла устоять. Ильдико открыла глаза и посмотрела на придворную портниху.

От тревоги лицо женщины еще больше пошло морщинами. Она выплюнула зажатые во рту булавки в свободную руку.

– Вы в порядке, миледи?

Ильдико кивнула. Она не опозорит себя и двор Гаура, хлопнувшись в обморок на глазах у гостей каи.

Она сделала глубокий вдох, чтобы совладать со страхом. Не время лить слезы. Ильдико и так дала себе волю чуть раньше, в уединении своей опочивальни. Пусть она всего лишь предмет сделки, но не ударит в грязь лицом.

Жребий будущего мужа был аналогичен. Привилегии налагают ответственность за чужие ожидания. Будучи младшим сыном короля каи, он должен был заключить наиболее выгодный для страны брак. Впервые он увидит Ильдико в присутствии кучки священников во время произнесения брачных обетов.

По спине под платьем побежала капелька пота. Она станет его женой, и ей придется разделить с ним постель. Еще не бывало такого, чтобы женщина родила от каи, но это не имеет значения: консуммация брака скрепит договор печатью даже без наследников. Если бы Сангур Хромой не боялся невольно оскорбить будущую родню, то настоял бы на присутствии свидетелей в спальне молодоженов, чтобы убедиться, что брак подтвержден. Но каи – не люди, об их обычаях почти ничего не известно. Ильдико обрадовалась этой таинственности, потому что смогла избежать публичного унижения.

Придворная портниха еще пару раз одернула подол, отрывисто приказала помощницам собрать булавки и объявила, что работа окончена. Она помогла Ильдико спуститься со стула.

– Пройдемте к зеркалу, миледи, чтобы вы могли взглянуть на себя. Вы выглядите прекрасно.

Ильдико прошла за ней в угол комнаты. Из большого зеркала на нее смотрело бледное лицо, и это совсем не помогало справиться с духом. На мгновение собственное отражение даже показалось ей незнакомым.

Платье – настоящее произведение искусства, скроенное из вышитого шелка цвета бронзы, – облегло грудь, талию и бедра и заканчивалось юбкой со шлейфом. Ткань прикрывала плечи, но шея и ключицы были обнажены. Длинные

рукава доходили до кончиков пальцев. Волосы ей заплели в косы и уложили в замысловатую прическу, скрепленную шпильками с драгоценными камнями. Весь вид Ильдико говорил о высоком происхождении и значительном богатстве.

Она, нахмурившись, разглядывала себя.

– Все зря.

Портниха за ее спиной побелела.

– Вам не нравится платье, миледи?

Ильдико уверила женщину, что наряд выше всяких похвал.

– Я просто подумала, что мой жених и его свита не оценят все это великолепие.

Швея брезгливо скривила губы.

– Мерзкие уроды. Все до единого. Что они понимают в красоте? – И тут же спохватилась, осознав, что ее слова оскорбительны: – Уверена, ваш жених не такой. Он заметит, как вы очаровательны.

Вероятность этого ничтожно мала. Если бы она выходила за кого-то другого, не за каи, возможно, пророчество портнихи и сбылось бы. Ильдико надеялась лишь, что они с нареченным не бросятся в разные стороны, увидев друг друга впервые.

Перед тем как спуститься для официального представления гостям, она потребовала оставить ее одну на час и отослала всех из комнаты. Аромат весенних цветов в саду проникал в открытое окно и манил ее. Когда Ильдико покинет этот дом вместе с супругом, ей будет почти не о чем скучать. Она – племянница короля, осиротевшее дитя его младшей сестры. Семья обеспечила ее кровом, едой и приличной одеждой. Более ничего они ей не должны. Они с родственниками не любили друг друга. Возможно, и при дворе мужа никто ее любить не будет, так что ничего не изменится, кроме ее положения. Выйдя замуж за принца, она станет принцессой, херцегеши[1 - Херцегеши – производное от венгерского herceg – принц, hercegeze – принцесса (здесь и далее – прим. переводчика).] каи.

Из окна открывался панорамный вид на тщательно ухоженный сад: зеленые газоны, причудливо подстриженные кусты и пестрые цветочные клумбы. Пожалуй, она будет скучать по саду. Долгие годы он служил ей убежищем от нахальных кузенов и скрашивал одиночество.

Если при дворе каи и есть сад, то, как подозревала Ильдико, совсем не похожий на этот. Она вообразила жуткого вида растения с распускающимися в лучах лунного света хищными зубастыми цветами. Среди такой растительности не станешь разгуливать без брони. Ильдико вздрогнула.

Подчиняясь мгновенному порыву, она выбежала из комнаты и слетела по короткой лестнице к задней двери, ведущей наружу. Теплое солнце ласково коснулось ее плеч. Ильдико подняла лицо к свету и глубоко вдохнула воздух, пахнувший жимолостью и жасмином. У портнихи случился бы припадок, если бы она увидела, во что колючки превратят подол ее чудесного платья, но Ильдико все равно отправилась в свое самое любимое место в Гауре. Да и кто на этой свадьбе будет рассматривать платье? Гости наверняка разинут рты от ужаса, когда увидят жениха и невесту.

Она не спеша пошла по извилистой дорожке, огибая пруды с ручными золотыми рыбками, клумбы с ядовитой наперстянкой всех цветов и оттенков и крупными соцветиями оранжевой маскании, стебли которой оплетали решетки. Вокруг стайками вились колибри. По берегам росли ивы, отбрасывающие на землю зеленую тень, где прятались кусты папоротника и медуница. Ильдико подолгу сидела здесь ребенком: читала стянутые тайком книги в пятнах солнечного света, просачивающегося сквозь листву.

Кое-где возвышались древние дубы с тяжелыми, покрытыми грубой корой и густой шапкой листьев, ветвями. Она пошла по дорожке к одному из них. В эту часть сада она заходила редко. Здесь росли розы королевы, а Ильдико держалась подальше от мест, которые та любила. Сегодня, однако, она не думала об этом. Фантина наверняка занята тем, что развлекает гостей или подсчитывает богатства, полученные в качестве выкупа за невесту. Так что можно полюбоваться бесчисленными розовыми кустами.

Ильдико ошиблась.

Завернув за угол, она резко остановилась. Над кустом кроваво-красных роз неподвижно стояла затянутая в черное фигура. Услышав ее шаги, человек обернулся. Она ахнула. Из-под капюшона на нее смотрела пара сияющих перламутровых глаз без радужки и зрачка. Серая, как у трупа, рука с длинными пальцами и темными когтями поднялась в молчаливом приветствии. Ильдико покачнулась на каблуках, едва сдерживаясь, чтобы не броситься прочь. Если бы она не догадалась, кто это, то решила бы, что наткнулась посреди роз на демона. Но это, несмотря на внешность, был вовсе не демон. Это – один из каи. И с ее стороны станет непростительной грубостью сбежать с криками от одного из будущих родственников.

Глава 2

Бришен напрягся в ожидании, что незваная гостья оглушительно завизжит или, если повезет, ахнет и бросится сквозь живую изгородь очертя голову. Но эта гаури не сделала ничего подобного, лишь тарщила на него глаза. Девушка явно не ожидала никого здесь встретить. Она отпрянула, когда он осторожно поднял руку в приветственном жесте, но не сбежала.

– Простите, мадам, – негромко произнес он, – я не хотел вас напугать.

Большая часть его свиты, присланная, чтобы засвидетельствовать брак и сопроводить невесту и жениха обратно в Харадис, прибыла в Присид – столицу Гаура – еще две недели назад. За это время каи немного привыкли к внешнему виду гаури. Однако Бришен со своей личной охраной приехал только вчера. Прежде им всем доводилось встречаться с людьми в Беладине, граничившем с королевством, но он никогда еще не видел столько омерзительных лиц разом.

Благодарение богам, Бришен надел капюшон, который скрывал брезгливое выражение его лица, иначе бы он невольно оскорбил застигнувшую его врасплох девушку. Он понял, что она молода. В Гауре она могла слыть как красивой, так и заурядной, ему же показалась совершенно неприглядной. Он неприязненно поджал губы, заметив цвет ее кожи. Бледная, с легким румянцем, она живо напомнила ему горьких моллюсков, из которых красильщики каи вываривали розовый краситель. В нестерпимо ярком солнечном свете ее косы отливали медью и были так не похожи на серебристые волосы женщин с его родины.

Но больше всего раздражали глаза. Белые, с голубым кружком посередине, заключенным в серое кольцо, центр которого расширялся или сужался в зависимости от освещения. Когда Бришен впервые в жизни увидел подобное, у него встали дыбом волосы на затылке. Цветная середина на белом фоне позволяла отчетливо видеть, как глаз двигается в глазнице. Впечатление было жуткое: будто в черепе хозяина поселился паразит.

Бришен не раз видел, как от страха вращают глазами лошади, но не люди. Если бы мысль о паразите не вызывала у него такое острое отвращение, он бы решил, что люди постоянно испытывают ужас.

Девушка скрестила на груди тонкие руки. Несмотря на странный цвет кожи и кошмарные глаза, у нее была ладная фигурка и правильные черты лица. Бришен поклонился, желая смягчить неловкую ситуацию.

– Как вы находите королевские сады?

Услышав вопрос, он замер. Голос звучал приятно – ровный, но не безжизненный, низкий, но не хриплый. Бришен склонил голову набок и несколько мгновений пристально разглядывал девушку, прежде чем заговорил. Незнакомка больше не казалась перепуганным кроликом, и, хотя он еще не научился различать оттенки эмоций на лицах людей, понял, что она рассматривает его скорее с любопытством, чем со страхом.

Если бы она спросила, что Бришен думает об оружейной Сангура, он бы пустился в рассуждения.

Он пожал плечами.

– Нахожу, что здесь растут цветы и деревья. – Бришен помолчал и вымучено улыбнулся под капюшоном, чего она, конечно, видеть не могла. – И много солнца.

Она жестом показала ему следовать за ней. Поколебавшись, он зашагал рядом. Девушка подвела его к каменной скамье в густой тени дуба, села и пригласила его сделать то же самое. Пришла очередь Бришена насторожиться. Во время его короткого визита в Присид гаури были корректны, гостеприимны и почти

подобострастно вежливы. Но они не были дружелюбны. Приветливость этой девушки его удивляла. Он тоже сел, с облегчением спрятавшись от жаркого летнего солнца.

Она повернулась к нему, внимательно изучая его глазами-паразитами с ног до головы: от сапог до сложенных на коленях рук и сияющих из-под капюшона глаз.

– Правда ли, что солнечный свет вреден для ваших глаз?

Бришен моргнул. Он ожидал, что она спросит его имя или назовет свое, и его порадовало, что она этого не сделала. Пока они не представлены, можно обойтись без лишних формальностей. Он принц крови, а все Гаури заискивают перед королевской семьей Каи.

– Ночь для нас привычнее, в темноте мы видим лучше. Наше солнце – это луна, мы живем в ее лучах.

– Почему же вы гуляете по нашему саду в полдень?

Бришен усмехнулся.

– Потому что точно знаю, что не встречу никого из каи.

Ее серьезное лицо озарилось широкой улыбкой. Зубы у нее были, как у маленькой лошадки – белые и квадратные, за исключением двух пар безобидного вида клыков. У малышей каи молочные зубы и то острее. Бришен сделал усилие, вслушиваясь в то, что она ему говорит.

– И никого из гаури тоже. В королевской резиденции так много народу, что яблоку негде упасть, но всех занимают лишь приготовления к свадьбе.

Она произнесла «свадьба» так, будто говорила о пытках или казни, и он расхохотался. Вне всякого сомнения, он упоминал предстоящую церемонию точно таким же тоном.

Бришену было тяжело смотреть на нее без содрогания, но ее насмешливость ему очень понравилась. До этой минуты он всерьез гадал, есть ли в Гауре женщины,

способные произнести в ответ больше двух слов. Родня, которая прибыла ко двору раньше, тоже была от них не в восторге, начиная с их одежды и заканчивая предпочтениями в еде. Бришен полагал, что его невеста немногим лучше, но все же надеялся, что она будет хоть немного похожа на эту девушку.

Он преувеличенно громко вздохнул.

– Мне предстоит еще более утомительное зрелище: наблюдать, как гаури и каи решают, кто кого съест первым.

Девушка удивленно подняла брови. Ее губы изогнулись в улыбке.

Она указала на его лицо и руки.

– Думаю, у каи перед гаури есть преимущество – зубы и когти.

– Верно, – фыркнул Бришен, – но будьте спокойны, в качестве еды люди нас не особенно привлекают.

– О, рада это слышать. Уверена, я совсем невкусная.

Она опустила глаза и расправила на коленях богато расшитый шелк платья. Бришен готов был поклясться, что уловил в ее шутливом тоне едва заметное облегчение.

Девушка вновь взглянула на него. Он чуть вздрогнул. О боги, эти глаза по-настоящему его пугали.

– Вы, разумеется, не обязаны отвечать, но как вы думаете: принц Каи возненавидит свою невесту?

Вопрос его поразил. Бришен привык считать себя миролюбивым. Он не завидовал старшему брату – наследнику трона, отлично сознавал свой долг перед страной и не возражал против роли пешки в бесконечной войне за власть с соседними империями. Он справедливо полагал, что и у его будущей жены нет выбора. Положение на них обоих накладывает определенные обязательства.

– Думаю, принц рассчитывал получить супругу из знатного рода Каи, которая однажды родит ему детей. Он и представить себе не мог, что вступит в политический брак с человеческой женщиной, чтобы закрепить военный и торговый союз между Баст-Харадисом и Гауром. Пусть он и возмущен тем, как сложились обстоятельства, но сомневаюсь, что он намерен отыгрываться за это на будущей супруге. Она такая же марионетка, как он сам. – Бришен нахмурился. – Если, конечно, жена не окажется злобной гарпией.

Ему понравился ее смех – искренний, будто она внезапно услышала в его словах что-то для себя приятное. Она поставила локоть на спинку скамейки и положила щеку на ладонь, поражая Бришена непринужденностью позы.

– Уверена, матушка пару раз так ее и называла, но она изо всех сил постарается произвести приятное впечатление.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга, и вдруг девушка огорошила его новым вопросом:

– Вы находите меня уродливой, правда?

На поле боя Бришен не дрогнув сходил лицом к лицу с порождениями скверны, бросался в бой против существ, воплотившихся из кошмаров низших демонов. И ни разу не хотелось ему в страхе сбежать. А сейчас каждая мышца в теле трепетала от нестерпимого желания броситься прочь. Он стиснул зубы, молясь про себя, чтобы ненароком не спровоцировать войну с новыми союзниками страны, и дал честный ответ:

– Вы безобразны. Суцая ведьма.

Она встретила его заявление взрывом смеха. Бришен выдохнул, радуясь, что она не сочла его искренние слова оскорбительными. Хоть он и не знал имени незнакомки, ему совсем не хотелось ее обижать. Убедившись, что девушка не собирается сбежать и натравить на него толпу разъяренных родственников, он задал ей тот же самый вопрос:

– А вы? Вы ведь тоже не видите во мне привлекательного мужчину?

Она пожала плечами.

– Я видела только ваши руки и глаза. Может статься, вы прячете под этим капюшоном лик духа солнца.

Бришен чуть поморщился.

– Едва ли. – Он не был обделен женским вниманием и слыл при дворе весьма привлекательным. Ему уж точно далеко до неприглядного духа солнца. Он опустил капюшон.

Глаза девушки округлились. Она прерывисто вздохнула, прижав одну руку к груди. Лицо цвета плоти моллюска приобрело еще более отталкивающий сероватый оттенок. Она молча смотрела на него, пока он не сделал рукой вопросительный жест.

– Ну что?

Она медленно выдохнула. Кожа между бровями собралась в вертикальную складочку.

– Если бы вы выползли из-под моей кровати, когда я была ребенком, я бы забила вас насмерть боевым молотом отца.

Бришен откинулся на спинку скамейки и взвыл от смеха. Отсмеявшись, он вытер глаза и обнаружил, что девушка смотрит на него и улыбается, обнажив лошадиные зубы. Он покашлял.

– Даже не знаю, что доказывают ваши слова: что я выгляжу устрашающе или что вы кровожадны.

– Первое. Мне пришлось бы все зеркала в доме накрыть, если бы вы нанесли мне визит, ведь они бы от ужаса потрескались. А один вид ваших зубов обратит в бегство стаю волков.

Он оскалился и щелкнул челюстями. Она не отодвинулась.

- По крайней мере, все они на месте, не то что у большинства мужчин - и женщин - Гаура. И потом, я предпочитаю рычать, а не ржать.

Они немного посмеялись вместе, но девушка вдруг помрачнела.

- Спасибо, что не стали лгать про мою внешность. Пусть от вида вашего лица можно поседеть, но ваша искренность очень привлекательна.

Она очаровывала и увлекала его, и Бришен пожалел, что у него нет времени узнать ее получше. Увы. Он женится сегодня на закате, когда глаза людей и каи видят одинаково хорошо, чтобы молодые супруги смогли разглядеть друг друга и отшатнуться в ужасе.

Через зеленую лужайку в тень под дубом проникли звуки голосов. Девушка поднялась и разгладила несуществующие складки на платье.

- Мне нужно идти. Меня уже хватились.

Бришен тоже поднялся и поймал ее за руку, с удивлением отметив про себя, что кожа теплая, а не холодная и дряблая, как он ожидал. Она не попыталась освободиться, и он поднес ее пальцы к губам и слегка коснулся костяшек.

- Я получил удовольствие от нашей случайной встречи, мадам. - Отпустив ее руку, он чуть поклонился.

Она вежливо присела в реверансе и улыбнулась.

- Я тоже, сэра. Вы немного уняли мои страхи. До встречи. - Отвернувшись, она поспешила туда, откуда доносились приближающиеся голоса.

Может, он и увидит ее мельком во время церемонии, но возможности поговорить им больше не представится.

- Как вас зовут? - крикнул ей вслед Бришен.

- Ильдико, - донес ее ответ горячий ветер, и в нем тут же всколыхнулись подозрения и надежда.

Девушка исчезла за живой изгородью.

Бришен смотрел на тропинку, по которой она убежала. Не может быть, чтобы ему так повезло. Ведь его невесту тоже зовут Ильдико.

Глава 3

– Ты будешь вести себя достойно, Ильдико, и исполнишь свой долг перед королевством и нашей семьей, как положено. – Королева Фантина недовольно фыркнула, критически осмотрев племянницу. – И не забывай, что долг не заканчивается на пороге спальни. Не имеет никакого значения, что принц выглядит, как хобгоблин. Ты не посмеешь поставить под угрозу политический союз, отказав своему мужу в близости.

Ильдико с такой силой стиснула челюсти, что в висках застучало. Ее тетка столько раз повторяла это наставление, что она бы пересказала его наизусть даже во сне. Если королева произнесет эти слова еще раз, Ильдико заткнет ей рот своими расшитыми бисером комнатными туфлями.

Фантину отвлек негромкий стук в дверь.

– Войдите! – крикнула она.

Дверь со скрипом открылась, и на пороге появился паж с выпученными глазами. Вид у него был такой, будто он проглотил дюжину лимонов целиком. Паж поклонился королеве.

– Ваше величество, его королевское высочество Бришен Хаскем из Баст-Харадиса желает переговорить с леди Ильдико. – Он сделал паузу. – Наедине.

Раздражение Ильдико сменилось страхом. Она переплела пальцы, чтобы скрыть дрожь в руках, и повернулась лицом к двери.

Королева оцетинилась.

– Нет. Это против всех традиций и правил приличия. Он может поговорить с ней после официального заключения брака. В любом случае до свадьбы осталось полчаса. Пусть обождет.

На плечо пажа опустилась серая рука с темными когтями. Парень вскрикнул и отскочил в сторону, пропуская в комнату закутанную в плащ фигуру. Королева и личная охрана хором ахнули. Все, кроме Фантины, вежливо поклонились в ответ на уважительный поклон принца Каи.

– Ваше Величество, я прошу о снисхождении. Пожалуйста, позвольте нам с невестой остаться на минуту наедине.

Ильдико, присевшая в реверансе, пошатнулась. Голос! Она узнала голос. Плащ был другой, не тот, в котором он был в саду, но тоже темно-серый, богато расшитый и больше подходящий для официальных приемов, чем для повседневного ношения. Среди ярких роз он казался тенью, здесь же, в гостиной королевы, в красноватых отсветах закатного солнца – темным, лишенным лица силуэтом.

Ильдико, не говоря ни слова и храня бесстрастное выражение, выпрямилась и замерла рядом с Фантиной. Та скривилась, отчего в густом слое пудры прорезались глубокие борозды.

– Это непристойно, сэ, принц вы или нет. Неужели ваше дело не может обождать?

Ильдико бросила на тетку изумленный взгляд. Фантина не приказала принцу немедленно уйти, и одно это говорило о многом. Изводя племянницу разговорами о долге и о важности союза с каи, она ничуть не кривила душой. Королева ни за что бы не поставила договоренность под угрозу, потому и задала вопрос, демонстрируя уважение к просьбе принца.

Тот, очевидно, понял, что добился своего.

– Нет, Ваше Величество, никак не может. Я прошу всего о нескольких мгновениях ее высочества.

– Опоздаете на собственную свадьбу, – предупредила Фантина.

– Уверяю вас, этого не случится. – Бришен оставался безукоризненно вежлив и совершенно непреклонен.

Королева прищурилась. Она послала предупреждающий взгляд Ильдико, которая, разумеется, правильно его истолковала: «Следи за тем, что говоришь». Ильдико кивнула. Фантина сделала знак горничным, выстроившимся за ее спиной, как отряд солдат.

– У вас четверть часа. Ни минутой больше.

Она выплыла из комнаты в ореоле благородного негодования. Служанка, выходящая из комнаты последней, взглянула на Ильдико с жалостью и закрыла за собой дверь.

Как только все ушли, Ильдико улыбнулась.

– Это вы. – Она и не пыталась скрыть облегчение в голосе.

Принц подошел ближе и опустил капюшон, открывая глубоко посаженные, светящиеся желтым глаза, лицо серого цвета с острыми, скульптурными чертами, и зубастую улыбку, при виде которой Ильдико пришлось сделать над собой усилие, чтобы не отпрянуть. Он потянулся к ее руке. Она без колебаний протянула ему ладонь и немного удивилась, ощутив, какая у него теплая кожа. Если закрыть глаза, можно легко вообразить, что ее касается кавалер из Гаура. Принц едва ощутимо коснулся пальцев губами во второй раз и отпустил ее.

– Разочарованы? – В его сверкающих глазах ничего нельзя было прочесть. Он сильно прищурился, когда на него упал проникший в окно луч солнца.

Ильдико провела принца в темный угол комнаты, который мягко освещался свечами.

– Я рада, вовсе не разочарована. – Она указала на столик с кубками и графином вина. – Не хотите ли выпить?

Бришен покачал головой, отчего волосы, в которые были вплетены тонкие косички, слегка качнулись. Он повел плечами, отводя полы плаща за спину и открывая взгляду церемониальные доспехи из голубого металла, надетые поверх рубашки из коричневого шелка. К поясу был прикреплен меч в ножнах. Как и вся его родня, он был высок и худощав, и каждое его движение казалось выверенным и грациозным.

Ильдико склонила голову набок.

– Вы знали, что я ваша нареченная еще до прихода сюда, верно? Но как?

Его брови изогнулись.

– Вы назвали, когда я спросил ваше имя. Помните?

– Здесь проживает несколько женщин с таким именем. Оно довольно распространенное. Я могла оказаться служанкой.

Бришен усмехнулся и обвел взглядом ее наряд.

– В таком красивом платье? Едва ли, – сверкнул он своей зубастой улыбкой. В этот раз Ильдико не потребовалось прилагать усилия, чтобы не сбежать. – Я догадался, вот и все. Читайте это инстинктом. – Он щелкнул пальцами. – Или магией каи. Знаете, она есть в каждом из нас с рождения.

Ильдико покачала головой, чувствуя, что хорошее настроение сменяется тревогой.

– Нет, этого я не знала. Мне очень мало известно о тех, кто после свадьбы станет моим народом.

Несколько секунд Бришен смотрел на нее молча. Глаза, как у совы, подумала она. У него и его народа глаза ночных хищников, только без зрачков, и их сияние завораживало ее, как гипнотический взор совы завораживает мышь.

– Я вам все расскажу.

Ильдико моргнула, неожиданно выведенная из оцепенения его словами, и поняла, что не помнит, о чем они говорили.

– Расскажите что?

У него были тонкие губы с опущенными уголками, и это дополнительно подчеркивали идущие от крыльев носа глубокие морщины. Они придавали его лицу угрюмое выражение, кроме мгновений, когда он улыбался, как сейчас.

– Все про каи. Если захотите, я вас всему научу. Это будет намного полезнее лживых книг гаури, написанных о нас.

Ильдико испытала облегчение вместе с надеждой. Пусть ее жених не гаури и даже не человек, но он близок ей по духу и приятен. Она говорила, что считает его внешность отталкивающей, а искренность – привлекательной. И мнения своего пока еще не изменила. Все могло сложиться гораздо хуже для нее. Многие женщины гаури были отданы обычным мужчинам с прекрасными лицами и черными душами.

– Вы очень великодушны. Я прослежу, чтобы вы исполнили обещание, – поддразнила она, по-прежнему гадая о цели его визита. – Но я отвлекаю вас от дела. О чем вы желали со мной поговорить?

Бришен сложил руки за спиной, и ей показалось, что он собирается с духом, чтобы затронуть неприятную тему.

– У меня деликатный вопрос, и я не хочу оскорбить вас откровенностью. Думали ли вы о консуммации брака?

Желудок Ильдико сжался. Она вспыхнула от стыда и попыталась скрыть это, закатив глаза. Бришен быстро шагнул назад.

– Все думают о консуммации, – сказала она. – Вряд ли у меня была возможность избежать дружеских советов, ободряющих похлопываний по плечу и предложений лечь на спину и думать о короле и долге перед страной. – Ильдико едко улыбнулась. – Чаще всего советуют проследить, чтобы в комнате было так темно, что я не смогла бы разглядеть собственную руку – или вашу, если на то

пошло.

Бришен громко расхохотался, но смог совладать с собой и широко улыбнуться, глядя на нее блестящими глазами.

– Мне говорили что-то такое – что-то насчет того, чтобы сделать это в полдень, когда я почти ничего не вижу.

Ильдико тоже засмеялась, прикрывая рот ладошкой.

– Да спасет нас Крылатый Берсен от таких полезных наставлений.

Смех стих, но они продолжали улыбаться друг другу. Бришен, посерьезнев, спросил:

– Чего бы вам самой хотелось, Ильдико?

Он задал вопрос, который она в жизни не ожидала услышать. Ее никогда не спрашивали, чего она хочет, лишь приказывали, что делать и что говорить. На мгновение она онемела от изумления. Бришен терпеливо ждал, пока она соберется с мыслями.

– Могу я говорить искренне, Ваше Высочество?

Он фыркнул.

– Наедине называйте меня Бришен. Правила приличия это допускают.

– У вас красивое имя. Вы в самом деле родились в грозу? – Хоть он и не казался капризным или жестоким, как гроза, но имя ему шло. Ильдико подозревала, что за спокойными манерами скрывается характер твердый, как закаленная сталь.

Бришен кивнул.

– Вы снова уводите меня в сторону, Ильдико. Ответ на ваш первый вопрос – да. Я не только желаю, чтобы вы говорили откровенно, я требую этого. – Он пожал

плечами. – Кроме того, мне кажется, немного поздно начинать ходить вокруг да около. Я назвал вас безобразной, а вы ясно дали понять, какой находите мою внешность, сказав, что размозжили бы мне голову. Сомневаюсь, что после этого мы еще способны ранить гордость друг друга. Говорите, что у вас на уме.

Ильдико, согласившись с его доводами, произнесла:

– Вы нравитесь мне, Бришен, но могли ли бы мы повременить с близостью? Ведь на самом деле в этом даже нет необходимости. Я не смогу родить вам детей, и я слышала, что у трона каи уже есть наследники. Сколько у вас племянников? – Она с такой силой стиснула руки, что побелели ногти.

– Целый выводок. Когда я считал в последний раз, их было шесть. – Бришен склонил голову. – Я с радостью готов пойти вам в этом навстречу, мадам.

Ильдико забыла об этикете, собственном титуле и обо всем остальном. Она бросилась к Бришену и крепко обхватила его за шею руками. Он окаменел в ее объятиях, но ей было все равно.

– Благодарю вас! – Она клюнула его в щеку быстрым поцелуем и отпустила до того, как он попытался бы освободиться или обнять ее в ответ.

Он наклонил голову и слабо улыбнулся.

– Поверьте моему слову, это я должен вас благодарить.

Ильдико улыбнулась ему в ответ, потом проследила за его взглядом: Бришен смотрел куда-то поверх ее плеча. Она обернулась и увидела большое зеркало в лучах заходящего солнца. Принц подошел и встал рядом с ней. Несколько секунд они смотрели на свои отражения в золотистой дымке – рыжеволосая девушка гаури и принц каи со светящимися глазами.

– Мы хорошо поладим, Ильдико из Гаура, – сказал Бришен, глядя в зеркало.

Она тронула его за плечо.

– Я тебе верю, Бришен из Баст-Харадиса.

Громкий стук в дверь известил о том, что их время вышло. Принц подал Ильдику руку.

– Готовы надеть оковы, мадам?

Она положила ладонь на сгиб его локтя.

– Постарайтесь не улыбаться так широко, Ваше Высочество. Напугаете детей.

Глава 4

Бришен посмотрел на свою жену, которая ехала рядом, сгорбившись в седле. Они направлялись к восточным границам Баст-Харадиса и далее – в столицу, в сопровождении двух дюжин каи. Быстро плывущие облака то и дело закрывали луну над их головами. В ее свете волосы Ильдику отливали серым, а не рыжим, а лицо осунулось и побледнело от недостатка сна.

Он пытался убедить ее перебраться в небольшую крытую повозку с соломенным тюфяком, чтобы можно было подремать в дороге. Она наотрез отказалась.

– Отныне я живу вашей жизнью. Мне необходимо как можно быстрее привыкнуть. – Она трижды прерывала свою тираду, чтобы зевнуть.

Бришен был уверен, что Ильдику не продержится и до заката, но все равно приказал оседлать для нее лошадь. Они отправились в путь сразу после окончания свадебного пира.

Среди всех свадеб, на которых принцу довелось присутствовать, его собственная оказалась самой нелепой. Обручение символизирует единение. Но судя по реакции, гости – и гаури, и каи – восприняли его как объявление войны. Держась за рукояти мечей, приглашенные зорко следили друг за другом, готовые в любой момент броситься через украшенный цветами проход и скрестить клинки. Воины гаури значительно – в двадцать раз – превосходили числом его свиту. Только это одно означало, что потасовка – если она начнется –

будет жестокой, но непродолжительной.

Гаур приложил немало сил для заключения этого союза, и каи приняли его с огромным воодушевлением, поэтому Бришен решил, что причина такой враждебности – скорее инстинктивное отвращение, ведь их народы почти не знают друг друга и внутренне противятся тому, что одному из сородичей придется отныне жить с ненавистными чужестранцами. Глядя в пугающие глаза Ильдико, он не мог понять, что она чувствует, но по нахмуренным бровям догадался, что она встревожена. Она посмотрела на него, и он сдержал невольный порыв отпрянуть.

– Крылатый Берсен, Бришен. Сегодня нам не избежать кровопролития.

Она была права, и он принялся ломать голову над тем, как разрядить обстановку. Когда священнослужители объявили, что союз скреплен и благословлен, воздух вокруг будто сгустился от взаимной ненависти. Бришен взял Ильдико за руки, наклонился к ней и нежно поцеловал в щеку. Пусть цвет ее кожи и напоминает моллюска, но она теплая на ощупь и пахнет елеем. Он сделал шаг назад и кротко улыбнулся.

Ее ладони чуть дрогнули в его руках, она подняла бровь и тихо сказала:

– Волк.

– Кобылка, – так же тихо парировал он.

Губы Ильдико изогнулись в улыбке, она не выдержала и расхохоталась. И звук ее смеха сотворил чудо лучше любого магического заклинания и ошарашил толпу сильнее, чем движущиеся человеческие глаза. И воины гаури, и немногочисленные придворные каи ощутимо расслабились. Руки отпустили оружие, напряженные плечи расправились, и гости, все как один, уставились на молодоженов, как на умалишенных. Бришен обнял ее и так крепко прижал к груди, что она пискнула.

– Так держать, принцесса, – прошептал он на ухо Ильдико. – Молодец.

Но, несмотря на явное единодушие между женихом и невестой, опасность кровопролития еще не миновала. Бришен передернулся в седле, вспоминая праздничную трапезу.

До этого момента они ели пищу, приготовленную поварихой из Каи, которую привезли с собой по настоянию его матери. Королевская чета Гаура охотно предоставила ей для работы часть огромной кухни. Бришен считал жалобы своих людей на еду гаури детскими капризами и нытьем, но, впервые учуяв запах, с трудом преодолел тошноту. Его двоюродная сестра Анхусет послала ему торжествующую ухмылку.

– Я предупреждала, – самодовольно заявила она.

Как же она оказалась права! Сидя рядом с Ильдиком, он слушал бесконечные неискренние тосты за счастье молодых супругов. По крайней мере, вино и эль были выше всяких похвал. Еда – совсем другое дело. Боясь перед свадьбой, что его родственники не выдержат, взбунтуются и, может статься, убьют его сгоряча, он собрал всех на совещание в отведенных ему комнатах.

– Мы должны продемонстрировать доверие хозяевам, поэтому будем есть то, что подадут на пиру после свадьбы.

Каждый присутствующий в комнате запротестовал.

– Ты видел, что едят эти люди, – скривилась от отвращения Анхусет. – Если это не помой с самого начала, то после приготовления точно ими становятся. Я бы голодную дворнягу не стала этим кормить.

Бришен не отступился.

– Вы что, превратились в бесхребетных слабаков, пока ждали моего прибытия? – рассердился он. Повисло молчание. – Это всего лишь обед. Вы воины каи, прекрасно обученные и показавшие себя на поле боя. Вам вполне по силам проглотить с улыбкой тарелку их супа.

– Когда я в первый раз улыбнулась одному из гаури, он, кажется, обмочился со страху. – Слова Анхусет встретили сдержанными смешками. Она склонила

голову, глядя на Бришена. – Ты наш принц и повелитель. Мы во всем следуем за тобой.

Принц смотрел на нее, сощурившись. Она бросает ему вызов, прикрываясь уважением. Все ждут, что он первым попробует каждое блюдо. Выходит, это дело решенное. Он главный, значит должен подавать пример, и он оправдывает их ожидания.

Бришен от всей души пожалел о принятом решении, когда слуга поставил перед ним дымящуюся тарелку с какой-то коричневой жижей, а к ней подал нечто похожее на комок засохшего навоза. Сидящая рядом Ильдико склонилась к нему и прошептала на ухо:

– Это жаркое, приготовленное из мяса скота, выращенного специально для королевской семьи. – Она указала на коричневую штуку. – А это картофель. Смотри.

Ильдико разрешила свою картофелину вдоль пополам, и показалась бледная, исходящая паром мякоть с резким запахом сырой земли, которую она вынула с помощью вилки и сложила кучкой в тарелку. Бришен готов был поклясться, что на его глазах только что выпотрошили гигантскую запеченную личинку. Когда Ильдико положила кусочек себе в рот, он поперхнулся и вцепился в подлокотники.

Родственники наблюдали за ним со своих мест за соседними столами, не прикасаясь к еде и терпеливо дожидаясь, пока он начнет есть. Он тяжело вздохнул и, следуя примеру жены, расчленил личинку-картофелину и осторожно попробовал. Зернистая, рыхлая, совершенно безвкусная мякоть налипла на язык и застряла в горле. Бришену показалось, что он сейчас задохнется.

Ильдико снова наклонилась к нему.

– Если выплунешь, начнется рукопашная.

Он стиснул зубы и проглотил. Всего вина и эля в мире не хватило бы, чтобы перебить тошнотворный привкус. Бришен залпом осушил оба кубка, свой и Ильдико, и подал знак слуге налить еще. Каи смотрели на него не отрываясь, и он по очереди обвел их тяжелым взглядом. Они взяли приборы и отважно

принялись за картофель.

Их реакция в точности повторила его. Следующие две недели ему придется спать вполглаза с кинжалом в руке, если он не хочет однажды проснуться и обнаружить этот самый кинжал у себя между лопаток. Ильдико потянула его за рукав.

– Мне очень жаль, Бришен. Неужели совсем невкусно?

Он услышал сочувствие в ее голосе и успокаивающе похлопал по руке. Невкусно – слишком мягко сказано, но он покачал головой и солгал:

– Нет. Бывало и хуже.

В последующие нескончаемые три часа он готов был взять свои слова обратно. Жаркое было так же отвратительно, как картофель, но остальные блюда далеко их превзошли. Отменный угорь оказался залит какой-то студенистой плесенью и присыпан зеленью. Обжаренные куриные медальоны подавались со странным соусом, один вид которого убедил Бришена, что придворный повар – вовсе не повар, а некромант, зачем-то размолотивший кости покойников и смешавший их с перцем. Добили его сырны тарелки: он дважды переспросил Ильдико, точно ли вот эти ломтики с зеленовато-голубыми прожилками не полупереваренная мертвечина. Когда она объяснила, как этот сыр производят, Бришен пожалел, что ему в самом деле не подали труп.

Он заставил себя попробовать и проглотить всего понемногу, щедро запивая каждый кусочек вином. Его родственники, как и обещала Анхусет, безропотно съели все, что им подали, посылая ему убийственные взгляды поверх кубков.

Наконец, боги вняли его отчаянным мольбам: король Сангур объявил, что праздничный обед окончен, и провозгласил последний тост. Танцев не было. В любое другое время Бришен бы расстроился. Каи любят танцевать. Всякий праздник заканчивался танцами, и нередко случалось, что гости плясали, пока не упадут от усталости.

Теперь же он был счастлив, что осталось лишь встать из-за стола и сопроводить жену в подготовленную для новобрачных спальню. Желудок сжимался из-за отвратительной еды и, вне всякого сомнения, ненавидел его так же сильно, как

все присутствующие в замке каи.

* * *

В комнате их ждали горничные, чтобы помочь Ильдико раздеться. Она отослала их взмахом руки и повернулась к нему.

– Ни к чему дольше задерживаться в Присиде, Бришен. Я не возражаю против немедленного отъезда.

Его уродливая великодушная жена, очевидно, читает мысли. Он взял ее лицо в ладони и поцеловал в лоб.

– Ты уверена? Разве не хочешь попрощаться с семьей?

Она вцепилась в его рукав, и уголки ее губ опустились. Боль. Давняя. Бришен понемногу учился распознавать эмоции на ее лице так же, как она угадывала, о чем думает он.

– Я попрощалась, когда произносила молитвы на могиле родителей. У меня нет причин откладывать отъезд.

Он оставил ее, чтобы она могла проследить за тем, как слуги собирают заранее упакованные сундуки и грузят их в повозку, которая отправится с ними в Харадис. Воины из его свиты обнаружили на маленьком заднем дворе. Они передавали по кругу бутылки с вином. При его появлении все поднялись и поклонились. Анхусет подошла к нему и сказала:

– Ненавижу тебя.

Бришен пожал плечами.

– Переживу.

– Не будь так уверен, братец, учитывая, сколько дрянной еды мы сегодня из-за тебя проглотили.

Бришен сдержал улыбку. Анхусет была ему ближе родного брата. Также она была его правой рукой. Беспощадная в битве и фанатично ему преданная, она не бросала слов на ветер. Он решил не расслабляться. Она запросто может наброситься на него с кулаками, если как следует рассердится.

– Моя жена желает ехать немедленно, – сказал он и с удивлением воззрился на то, как все тут же засуетились, а кое-кто даже произнес пару горячих тостов за новую херцегеши. Ильдико, сама того не зная, только что одержала маленькую победу в войне за расположение новой семьи.

Когда погрузили вещи, расселись по коням и выехали из замка, луна уже опускалась к горизонту. Обычно Бришен ехал во главе отряда, но не в этот раз. Из-за обоза с вещами Ильдико им придется двигаться по основному тракту сквозь кишасщие разбойниками земли. Его первоочередная задача – защитить жену, поэтому он и две дюжины вооруженных каи держались рядом с ней. Бришен тоже был в броне и при оружии. Ильдико без возражений согласилась надеть запасной нагрудник Анхусет, и принц взялся ей помочь.

– Думаешь, тут настолько опасно? – спросила она, закусив губу и рассматривая броню, прикрывающую ее торс.

Бришен поправил пряжки, чтобы ей было удобно.

– Все возможно. По этой дороге ходит множество караванов, у которых есть чем поживиться. – Он протянул ей дорожный плащ, заранее отложенный служанками. – Не переживай, Ильдико. Они дважды подумают, прежде чем на нас напасть. Мы не какие-нибудь бродячие ремесленники. Отряд хорошо вооружен. И потом, всем известно о боевом мастерстве каи.

Она чувствовала себя неловко в нагруднике и стеснялась его свиты. Каи избегали смотреть ей в глаза, но все низко поклонились, вежливо поприветствовали ее и произнесли поздравления.

Слышно было, как ухают совы, поскрипывают колеса повозки, глухо стучат копыта лошадей, а в лесу по обе стороны дороги тихонько шуршат ночные звери. У Ильдико слипались глаза, и она стала клониться в сторону Бришена. Он подъехал к ней вплотную.

– Ильдико, проснись.

Она открыла глаза, и расширившиеся в темноте зрачки поглотили радужку.

– Уже утро? – сонно спросила она. Бришен чуть подвинулся в седле, подхватил ее за талию и пересадил на своего коня.

– Нет, утро еще не наступило, но ты вот-вот упадешь. Если не хочешь спать в повозке, можешь ехать со мной.

Она кивнула и устроилась удобнее в кольце его рук. Нагрудник тихонько постукивал о его латы.

Принц как обнимал ее, впитывая тепло ее тела и вдыхая ее аромат. Сейчас она ничем не отличалась от женщин его земли. Такая же теплая, а странного цвета кожа на ощупь такая же гладкая и волосы шелковистые. Пока она спит и его не отвлекают ее глаза, можно чуть повернувшись рассматривать ее профиль.

Бришен видел, какими взглядами провожали его невесту придворные из Гаура во время церемонии. Ему она не казалась красивой, но, очевидно, при дворе о ней были другого мнения. Тем не менее он не жалел о женитьбе. Ильдико необычная и остроумная, и ему приятно проводить с ней время. Начало многообещающее.

Бришен прижал ее к себе крепче и замер в седле, услышав тихий звук.

– Поднять щиты! – крикнул он и нагнул испуганную Ильдико к шее своего жеребца.

Глава 5

Ильдико проснулась, как от толчка, и ощутила, что рот полон лошадиной гривы, а Бришен всем телом придавливает ее к седлу. Было темно и душно, и она не сразу поняла, что муж накрыл ее щитом. Снаружи что-то дробно застучало о металл. Бришен качнулся в сторону, сгибая руку, которой ее обнимал, чтобы

смягчить удар.

Конь от испуга встал на дыбы, и Ильдико судорожно вцепилась в поводья. В щит ударил молот. Она ахнула и оказалась на земле, где ее тут же окружили стеной солдаты каи. В свете гаснущей луны тускло проблескивала броня, а их глаза ярко сияли. Чья-то рука пригнула ее вниз, и она вскрикнула от неожиданности.

– Лежите, Ваше Высочество, – приказал женский голос.

Ильдико не стала спорить, потому что в этот момент из-за деревьев с громким свистом тучей вылетели стрелы и, описав дугу в светлеющем небе, посыпались на их отряд. Сжавшись в комок, она закрыла голову руками. По щитам забарабанили металлические наконечники.

На них кто-то напал, и, судя по тому, что Ильдико могла разглядеть, лежа на земле за спинами своих защитников, они окружены. Нельзя ни бежать, ни сразиться с врагами, скрывающимися за деревьями. Но вскоре ситуация изменилась. Из леса послышался топот копыт, приближающийся звон оружия и отчаянные крики.

На дороге, где застрял отряд, будто разверзлась преисподняя. Откуда-то появились на конях одетые в темное воины каи, прибывшие на помощь своим. Те, что окружали Ильдико стеной из щитов, расступились. Ее подняли на ноги, и она оказалась лицом к лицу с девушкой, которую заметила на свадьбе. Бришен тогда представил ее как свою кузину Анхусет. Ее сияющие перламутровые глаза смотрели не мигая.

– Следуйте за мной, Ваше Высочество. Поторопитесь.

Ильдико узнала голос – и эти властные нотки – и засеменяла следом за женщиной к повозке с припасами. Анхусет сделала ей знак ложиться.

– Забирайтесь под повозку. Сидите тихо, не высовывайтесь.

Не дав возможности возразить, она запихнула Ильдико под дно телеги. Ильдико легла на живот. Из ее укрытия были видны только быстро бегущие ноги. Анхусет осталась стоять рядом, вскоре к ней присоединились трое мужчин.

Ильдико высматривала Бришена среди его сопровождающих, которые больше не были в меньшинстве. Вдруг она его заметила: он отбивался сразу от нескольких грабителей, стоя спиной к спине с одним из каи. У того были щит и меч. Бришен же дрался так, как не смог бы ни один дворянин из Гаура.

В одной руке он держал небольшой боевой топор с металлическим крюком на обухе, в другой – охотничий нож лезвием наружу. Движения его, как у всех каи, были по-кошачьи быстрыми и точными. Он бил ножом, резал и рубил топором, а крюком ловко сбивал врагов с ног.

Ильдико молилась, чтобы он и все остальные остались живы. Внезапно на ее стражей набросилось несколько разбойников, и она потеряла мужа из виду. Анхусет издала пронзительный боевой клич. Ильдико передвинулась за одно из колес и стала смотреть сквозь спицы.

Ей хотелось чем-нибудь помочь, но она не умела сражаться. Она и так обуза, ведь несколько воинов должны ее охранять. Кроме столового ножа, у нее нет при себе никакого оружия. Лучшее, что можно сделать, – послушаться Анхусет: сидеть тихо и не мешать.

Сердце громко билось о ребра, во рту стоял горький привкус страха. Кто-то схватил ее за щиколотку и дернул, и она ахнула от неожиданности. Вцепившись в колесо, Ильдико оглянулась через плечо и закричала, увидев грязную, окровавленную морду одного из грабителей, который пытался залезть ей под юбки.

Она пнула его ногой и ухитрилась попасть в подбородок. Разбойник с криком отпрянул, но тут же бросился на нее снова. Ильдико перевернулась на спину и, помогая себе локтями, выползла из своего убежища.

Она неловко поднялась на ноги и поняла, что угодила в самую гущу схватки. Воины, защищавшие ее у телеги, отбивались от разбойников, не замечая, что ее нашли. Подхватив подол платья, Ильдико собралась бежать, хотя понятия не имела куда. Грабитель, обойдя повозку, медленно подбирался к Ильдико, размахивая ножом и плотоядно скалясь.

Ильдико развернулась, намереваясь броситься прочь. Но не успела. Легкое дуновение ветра коснулось ее щеки и пошевелило волосы. Сзади слышался

тихий треск, и, оглянувшись, она увидела, что грабитель падает на колени, а из головы у него торчит топор. На лице застыло изумленное выражение, будто он не мог поверить, что умер. Он повалился спиной в грязь и застыл.

Ильдико резко обернулась и увидела, что к ней бежит Бришен. Не останавливаясь, он подхватил ее одной рукой за талию и прижал к себе.

– Не такой свадебный подарок я для тебя приготовил, – задыхаясь, проговорил он. – Но я исправлю это упущение.

Глава 6

В схватке потеряли троих. Бришен считал, что трое – слишком много, и боль камнем давила на сердце. Первый, Крошаг, был средним сыном стюарда королевской семьи и одним из тех, кто добровольно вызвался в сопровождающие. Нейма, погибшая от стрелы, всю дорогу из Харадиса в Присид ломала голову над тем, как обеспечить приданым двух близняшек. Теперь дочери выйдут замуж, а их мать этого не увидит.

Острее всего Бришен переживал гибель Талумея. Тот был молод, мечтал проявить себя, с готовностью признавал ошибки и едва не сошел с ума от радости, когда его назначили в свиту принца. Бришен пообещал себе, что лично доставит матери Талумея его огонь жизни.

К нему приблизилась Анхусет, и он отбросил печальные мысли. Слепящий утренний свет освещал ее фигуру сзади и заливал трупы за ее спиной желтым сиянием.

Анхусет смотрела на него, сощурившись и поджав губы. Бришен пораженно отпрянул, когда кузина вдруг упала перед ним на колени. Отряд, расположившийся у дороги, затих. Наступила мертвая тишина.

Склонив голову, Анхусет протянула ему на вытянутых руках свой меч.

– Я подвела вас, Ваше Высочество. Возьмите в наказание мою жизнь и мой огонь жизни, – хриплым от стыда голосом произнесла она, глядя в землю.

– Что ты такое говоришь? – поразился Бришен.

Анхусет не подняла головы, все так же держа меч на вытянутых руках.

– Мне было поручено защитить херцегеши. Я не справилась с заданием. Если бы не вы, она бы погибла.

Бришен поморщился. Его кузина, должно быть, приложилась к бочонку вина из повозки с провизией, иначе каким образом она могла прийти к такому смехотворному умозаключению? Он действительно спас Ильдико от разбойника, но причем тут Анхусет? Его кузина исключительно умелый воин, и в армии Каи ее уважают за храбрость и мастерство, но она не богиня войны.

Она и те двое, что стерегли Ильдико, оказались против нападающих в меньшинстве. Они сражались решительно и храбро, но их было слишком мало. Анхусет никак не смогла бы заметить, что один из грабителей пробрался под телегу, потому что для этого ей пришлось бы повернуться к противникам спиной, и тогда ей в два счета отрубили бы голову.

Бришен смотрел сверху вниз на сияющие в свете солнца серебристые волосы. Обернувшись, он увидел неподалеку Ильдико, сидящую на пне. У нее слипались глаза, и она сутулилась от усталости. Ее стеной окружали хмурые солдаты каи с оружием наизготове.

– Ильдико. – Она медленно подняла голову. – Подойди, пожалуйста, – позвал он.

Она поднялась, отряхнула платье и встала рядом с ним возле коленопреклоненной Анхусет.

– В чем дело? – нахмурившись, спросила Ильдико.

Бришен махнул рукой на Анхусет, которая упорно не поднимала головы.

– Мой лейтенант желает, чтобы я казнил ее за то, что она не смогла тебя защитить.

– Что?

В этот раз ему не пришлось распознавать выражение на лице жены. Вопрос и тон Ильдико говорили сами за себя. Одна мысль о казни ей претила. Бришен не собирался убивать двоюродную сестру, тем более что она ни в чем не виновата. Пусть протокол и предполагает, что решение относительно вины Анхусет первоначально принимает пострадавшая от ее действий сторона, но последнее слово все равно остается за ним.

Ильдико перевела изумленный взгляд с Бришена на молчащую Анхусет.

– Это же просто глу...

Она поджала губы, не договорив оскорбительное слово, и Бришен был ей за это благодарен. Он был согласен с мнением жены: просьба Анхусет – глупость, но его кузина чрезвычайно гордая, и Бришен заметил, как напряглись ее плечи от невысказанного замечания Ильдико.

– Анхусет считает, что не смогла исполнить свой долг, поскольку не защитила тебя от разбойника. – Бришен говорил ровно, сохраняя нейтральное выражение лица. – Но в результате ее оплошности пострадал не я, а ты. Что скажешь? Считаешь ли ты себя пострадавшей и настаиваешь ли на наказании?

Брови Ильдико изумленно приподнялись, она склонила голову набок, и Бришен вновь с легкостью угадал, о чем она думает: «Ты говоришь серьезно?». Он кивнул, и она закатила глаза. Воины, наблюдавшие за их молчаливым диалогом, дружно вздрогнули.

– Я не пострадала, – помолчав, сказала Ильдико. – Анхусет справилась с поручением и защитила меня от нападавших. Их было много, а она – одна. – Ильдико улыбнулась лошадиной улыбкой и добавила: – И она сражалась лучше, чем трое солдат гаури.

По толпе прошел одобрительный ропот. Анхусет поднялась, вскинув голову. Бришен заметил в ее взгляде растущие уважение. Она протянула меч Ильдико, все еще считая себя недостойной его.

– Примите мой меч, ваше высочество.

– Это честь для меня, но пустая трата великолепного оружия, – отмахнулась Ильдико. – Вне всякого сомнения, вы сможете найти ему лучшее применение, чем я. Я скорее нечаянно отсеку себе палец на руке или ноге. Лучше оставьте меч себе, вдруг придется снова меня охранять.

Бришен с трудом удержался, чтобы не улыбнуться и не обнять жену. Она поступила, как опытный дипломат, даже лучше, поскольку говорила искренне. Ильдико только что сделала Анхусет лучший комплимент из возможных, выразив уверенность, что та защитит ее в будущем.

Серьезное лицо Анхусет на мгновение вспыхнуло от удовольствия, но она почти тут же овладела собой и уставилась в пустоту. Убрав меч в ножны, она низко поклонилась Бришену и его жене.

– Прослежу за тем, как будут разбивать лагерь. С вашего разрешения, Ваши Высочества.

Бришен кивнул, и она отошла, раздавая приказы убрать трупы, разобрать палатки и выставить часовых по периметру.

Бришен наклонился к Ильдико, она придвинулась ближе и прошептала:

– Я все испортила, да?

Он повернулся к ней. От усталости под ее глазами залегли тени приятного сероватого цвета. Хотя она и уродлива на вкус каи, но у нее острый ум и доброе сердце, которыми Бришен с каждой секундой восхищался все больше.

– Думаю, ты зарываешь в землю свой талант, супруга. Из тебя вышел бы отличный посол.

Ильдико медленно моргнула.

– Странно, что я вообще смогла говорить связно. Я так хочу спать, что язык заплетается.

Она слабо запротестовала, когда Бришен подхватил ее на руки.

– Тише, – ласково велел он. – Ты уже очень давно на ногах. И я тоже. – Он снова усадил ее на пень и приказал стоявшему неподалеку солдату принести седло и одеяло. Через несколько минут Бришен и Ильдико смогли с удобством расположиться. Она с удовлетворенным вздохом вытянулась на земле и заснула прежде, чем муж накрыл ее вторым одеялом.

Бришен тоже устал. С самого прибытия в Присид он спал урывками. Хорошо, что подоспел конный отряд Мертока – они помогли расправиться с разбойниками, и теперь принц со свитой смогут немного передохнуть.

Утреннее солнце слепило глаза, и Бришен щурился, глядя на завернутого с ног до головы в плащ Мертока.

– Ваше Высочество, – поклонившись, начал тот, – мне казалось, мы должны были встретиться неподалеку отсюда завтра утром. Мы не рассчитывали обнаружить вас на таком расстоянии от Присида так скоро.

Справедливый упрек. Торговый тракт опасен. Но Бришену не терпелось покинуть Присид, а поскольку Ильдико поддержала эту идею, они выехали на день раньше, чем собирались.

Принц решил, что вооруженный отряд, скорее всего, отпугнет грабителей. Теперь, когда к ним присоединились воины Мертока и число сопровождающих возросло до размеров небольшой армии, риск стал еще ниже.

– Моя супруга захотела побыстрее попасть в свой новый дом, так что мы выехали сразу после свадебного пира.

Поверх плеча Мертока принц наблюдал, как каи оттаскивают трупы за лагерь и сваливают в кучу. Нападавшие все до единого были людьми, но Бришен

подозревал, что среди них нет гаури. Он перевел взгляд на своего собеседника.

– На нас напала не банда разбойников. Они слишком хорошо вооружены и действовали очень слаженно.

Капитан запустил руку под плащ.

– Мы заметили их у границы два дня назад и с тех пор следили за ними. Это отряд убийц. – Он протянул Бришену металлическую фибулу, ярко вспыхнувшую на солнце.

Принц взял ее и зарычал в гневе. Эмблема королевства Беладин.

Бришен не удивился, а пришел в ярость. Белават, король Беладина, враждовал с гаури еще с тех времен, как Бришен был маленьким. Беладин жаждал заполучить выход к морю, а Гаур не желал сдаваться без боя. Казалось, полномасштабной войны не избежать, однако возникло неожиданное обстоятельство, которое делало союз гаури с каи обоюдновыгодным.

Самый быстрый способ перебросить войска, минуя опасные горы на границе между Гауром и Беладином, – узкий коридор, пролегающий по территории каи. Человеческие королевства понимали, что захватить хорошо охраняемую дорогу невозможно. Каи смотрели на их распри сквозь пальцы: какое им дело, пусть люди истребляют друг друга, лишь бы на их земли не посягали.

Но отец Бришена встревожился, когда разведка донесла, что Беладин собирает войско и, по слухам, планирует нападение на Гаур, захват портов и попутное завоевание приграничной территории Баст-Харадиса.

Торговый и военный союз между каи и гаури разрушил планы Белавата. Два королевства им не одолеть. Король Беладина угрожал наказать каи за вмешательство в дела людей. Нападение было первой ласточкой. Убить принца каи и его жену гаури – послание, означающее, что месть будет быстрой и безжалостной.

Бришен повертел фибулу в руках и опустил в карман. Он посмотрел на гору трупов.

– Тела и все, что при них, сжечь. Пепел собрать в сосуд. Каи пошлют ответ Белавату.

Мерток коротко поклонился.

– Желаете провести сегодня освящение для наших покойников?

Бришен кивнул.

– Найди тех, кто согласится стать посмертным сосудом для Неймы и Крошага. Я беру Талумея.

К ним подошла Анхусет, и они втроем обсудили оставшийся путь до Харадиса, сойдясь на том, что следует удвоить число часовых в дневное время и ехать как можно быстрее, чтобы сократить длительность путешествия на треть. Покончив с этим, Бришен отыскал палатку, приготовленную для них с Ильдиком.

Он внес спящую жену внутрь и уложил ее на разложенный тюфяк. Она что-то тихо пробормотала во сне, но не проснулась, когда он снял с нее туфли и расстегнул запасной нагрудник Анхусет. Бришен решил, что она не обрадуется, узнав, что он раздел ее во сне. И потом, он сам слишком устал, чтобы возиться с тесемками и узлами, распутать которые труднее, чем сплести ловчую сеть.

Ильдико повернулась к нему спиной и свернулась под одеялом клубочком. Бришен не мог лечь в одежде, испачканной кровью людей и каи. Ему не терпелось снять броню и нижнюю рубашку.

Ильдико не пошевелилась, когда он вытянулся рядом с ней на тюфяке. На веки давила невидимая тяжесть, и он вскоре уснул рядом с женой, убаюканный ее тихим дыханием.

Бришен проснулся через несколько часов, уже в неверном свете сумерек, от прикосновения пальцев к щеке. Открыв один глаз, он увидел совсем рядом неприглядное лицо Ильдиком. Она коснулась его носа и погладила по щеке.

– Знаешь, если бы не серая кожа, черные когти и сияющий глаз, я бы приняла тебя за гаури. – Бришен сонно улыбнулся. Она побледнела и нахмурилась. – А ты

взял и улыбнулся. Крылатый Берсен, кошмарное зрелище, что днем, что ночью.

Она попыталась закрыть ему рот пальцами, и Бришен усмехнулся. Схватив ее за руку, он поцеловал костяшки пальцев.

– Ты, женушка, тоже не прослывешь первой красавицей Баст-Харадиса. – Ее рыжие волосы спутались за ночь, а глаза выглядели еще страшнее, чем всегда: белки пронизала сеть кровеносных сосудов.

Уголки ее губ изогнулись.

– Хвала Берсену за это. Я с радостью уступлю этот титул кому-нибудь другому. Ну а если ты считаешь меня самой безобразной женщиной королевства, то мне лучше привести себя в порядок.

Бришен попробовал расчесать ее волосы пальцами.

– Люди считают тебя красивой. Почему ты не вышла замуж раньше?

Она пожала плечами.

– Женщине моего положения ты подходил лучше всех. Моя мать была сестрой Сангура. Если бы я приходилась королю родней по отцу, то была бы принцессой. Но поскольку я связана с тронем по женской линии, то стала просто знатной дамой – слишком высокого происхождения, чтобы меня выдали за первого попавшегося, но недостаточно высокого, чтобы сосватать за какого-нибудь наследника престола.

– Поэтому тебя отдали за последнего в очереди к трону, – сказал Бришен без намека на раздражение. Он был младшим из двух сыновей, и шестеро детей его брата надежно обеспечили страну наследниками. Важность Бришена для продолжения рода давным-давно исчезла. Ему даже не нужно иметь собственных детей. Жена из Гаура оказалась всего лишь гарантом договора между королевствами – припиской к соглашению о формировании альянса.

Ильдико продолжала поглаживать его лицо.

– В этом есть свои преимущества. – Она обвела пальцем его подбородок. – Цвет твоей кожи напоминает мне мертвого угря, которого я как-то видела на пляже.

– Ты мне льстишь, – поднял бровь Бришен. – Впервые увидев тебя, я решил, что твоя кожа похожа на плоть моллюсков, из которых делают краситель.

Ильдико перестала его гладить и уставилась на свою руку.

– По сравнению с тобой я розовая.

– Я-то совсем не розовый.

– Вы едите этих моллюсков? – нахмурилась она.

– Нет. На вкус они горькие, и краситель слишком ценится, чтобы употреблять их в пищу.

Ее вздох облегчения пощекотал ему шею.

– Хорошо. Я бы не хотела, чтобы меня сравнивали с едой.

Бришен открыл рот, чтобы ответить, но промолчал. Он был не до конца честен, сказав ей, что люди не привлекают каи в качестве пищи. Каи – древний народ, а люди – новый. Давным-давно, как гласят старые предания, когда каи были более дикими, а люди – менее развитыми, они охотились на них и поедали.

Он поспешил сменить тему:

– Почему у тебя глаза кровавые?

Ильдико вздрогнула и коснулась глаз пальцами. Она убрала руки, но не увидела на них крови и озадаченно нахмурилась. Вдруг ее лицо прояснилось.

– Думаю, такое случается со многими людьми при пробуждении. Глаза как будто сухие и чешутся. Это пройдет.

Она склонила голову набок.

– Каи ведь больше всего беспокоят человеческие глаза? Я заметила, как ты иногда на них реагируешь. Гаури точно так же пугают ваши зубы.

Его жене не откажешь в наблюдательности. Бришен нежно погладил ее по скуле с левой стороны.

– Глаза выглядят отталкивающе из-за белков. Такое ощущение, что невидимые руки дергают их за веревочки или что у вас в черепе живут парами какие-то личинки.

– Это ужасно! – скривилась от отвращения Ильдико. – Ничего удивительного, что каи не могут смотреть мне в глаза.

– Я могу. И смотрю сейчас, – возразил Бришен.

– Верно, – согласилась она. – Но ты делаешь усилие, чтобы не отпрянуть, так же как и я при виде твоей улыбки.

– Мы понемногу привыкаем друг к другу. И мой народ к тебе привыкнет, так же как и ты к ним.

– Надеюсь, – вздохнула Ильдико. – Ведь я уродлива для вас и нахожусь вдали от дома, среди чужаков. – Она накрутила на палец прядь его волос и слегка потянула. – Мне понадобится твоя помощь, супруг.

Бришен прижал ладонь к ее щеке.

– Ты ее получишь, Ильдико, а также мою защиту и терпение. Я не солгал, сказав, что мы поладим.

Ильдико на мгновение прильнула к его руке и отстранилась, хитро улыбаясь.

– Мне будет нелегко удержаться и не дразнить каи время от времени.

Бришен не представлял, как она собирается это делать. Он не мог вообразить, чтобы каи и гаури смеялись одним и тем же шуткам.

– Ты о чем?

Он чуть не выпрыгнул из собственной кожи, когда Ильдико медленно свела оба глаза к переносице.

– О боги! – вскрикнул он, накрывая ее глаза ладонью, и приказал: – Немедленно прекрати!

Ильдико захохотала и оттолкнула его руку. Увидев выражение его лица, она засмеялась пуще прежнего.

– погоди, – задыхаясь, произнесла она, – я могу еще кое-что. Хочешь, я попробую скосить только один глаз?

– Нет! – отшатнулся Бришен. – Какой кошмар. Пожалуйста, не нужно демонстрировать никому это твое умение, жена.

Посмеиваясь, она поднялась с его помощью с тюфяка. Он вышел, чтобы дать ей возможность переодеться и подготовиться к дороге.

Когда он выбрался из палатки, снаружи было темно, а луна висела низко над горизонтом. Солдаты провожали его удивленными взглядами со своих мест вокруг костров. Наверняка гадают, как он собрался с духом и лег со своей безобразной женой. Небось заключают пари: выбрал ли он легкий путь – в разгар дня, когда каи почти ничего не видят, или трудный – в сумерках.

Пусть ломают голову до самой смерти. Бришен не собирался ни с кем обсуждать свои отношения с Ильдико. Они заключили соглашение, основанное на зарождающейся дружбе, уважении и интуитивном взаимопонимании, которое не переставало его удивлять. Бришен не допустит, чтобы чьи-то вульгарные домыслы это испортили.

Он распорядился, чтобы им в палатку принесли еду, приготовленную поваром гаури, и пошел обсудить с Анхусет и Мертоком предстоящее освящение.

Через полчаса его отыскала жена. Она сменила платье и заплела волосы в косу. В одной руке она несла нагрудник Анхусет.

- Можешь помочь мне его надеть?

Бришен забрал нагрудник и прислонил его к дереву.

- Мы выезжаем чуть позже. Нужно провести обряд для троих погибших.

На ее лице отразилась печаль.

- Мне жаль, Бришен.

- И мне, - стиснув ее руку, ответил он. - Мы обмоем тела во время освящения и вернем огонь жизни членам их семей, чтобы можно было поместить их в священном доме.

- Что такое огонь жизни? И освящение?

Он замолчал, обдумывая, как лучше объяснить жене погребальные обряды каи. Чтобы должным образом почтить память павших, ему и двум другим каи придется в буквальном смысле вдохнуть все воспоминания покойных и доставить их домой, то есть на время переселить в себя чужие души.

Бришен вдруг понял, что больше не считает глаза Ильдико сущностями, живущими отдельно от нее. Они, конечно, человеческие и все еще выглядят непривычно, но это всего лишь глаза.

Глава 7

Физические различия между людьми и каи очевидны и подчас разительны. Ильдико смирилась с этим еще до свадьбы. Принятие помогало ей видеть душу Бришена за его пугающей внешностью. Она решила и впредь придерживаться этой философии: узреть, что сокрыто на дне под поверхностью. За недолгое

время, проведенное среди его народа, Ильдико заметила у них много схожих с людьми черт: любовь к семье, преданность друг другу и взаимовыручку, боль при гибели друзей. Ильдико была уверена, что со временем, когда поживет среди каи подольше, обнаружит еще больше общего.

Хотя у гаури были обряды, подобные ритуалам каи, но ничего похожего на освящение мертвых у людей не было.

Бришен принес флягу с вином и расстелил перед палаткой одеяло. Он усадил Ильдико рядом с собой и подал ей флягу.

– С каждым новым поколением мой народ теряет часть магии. Мы древняя раса, но мы вымираем. Мы применяем магию только в самом крайнем случае. Я владею семейными боевыми и защитными заклинаниями так же хорошо, как мой отец, но его способности сильнее, чем у меня и брата. А брат сильнее своих детей. Каи живут долго и бережно хранят воспоминания. Духи, покидая этот мир, дарят живым свою память. Мы называем их огнем жизни и помещаем в место под названием Эльмек. Они составляют нашу историю, то, что отличает нас от остальных рас, помимо внешнего вида и магии, которую мы постепенно теряем.

– Эльмек – это храм?

Ильдико сделала глоток сладкого вина и вернула фляжку Бришену. Он тоже отпил, а потом сжал горлышко пальцами.

– Не совсем. Это святыня, но мы там не молимся. Туда приходят, чтобы получить знания о прошлом или уменьшить боль, вновь соприкасаясь с умершими.

У Ильдико сжалось сердце. Она бы многое отдала за воспоминания родителей. Муж снова протянул ей вино, но она отказалась.

– Жаль, у гаури такого нет.

Бришен ободряюще сжал ее плечо.

– Это помогает живым справиться с потерей, особенно если смерть внезапная, как бывает в бою или при рождении, которое само по себе тоже нелегкая битва.

Он не убирал руку, и Ильдико наслаждалась исходящей от него силой.

– Огонь жизни мертвого каи – это его дар дорогим ему людям.

Ильдико ощутила острую зависть и на мгновение пожалела – несмотря на зубы и все остальное, – что она не каи.

– Как вы доставите эти огни домой?

Бришен отхлебнул вина. Ильдико еще не научилась как следует распознавать эмоции на его лице, поскольку плохо понимала выражение сияющих глаз, но она ощутила, что он почему-то колеблется. Он слегка напрягся и убрал руку с ее плеч. Ей захотелось, чтобы муж вернул ладонь обратно.

Бришен долго молчал. Ильдико решила, что он вовсе не ответит.

– Сегодня мы проведем освящение – ритуал, извлекающий дух и зажигающий огонь жизни.

Бришен взял Ильдико за руку и переплел их пальцы. Серая кожа и черные когти подчеркивали, насколько они разные, но горе есть горе. Любой гаури, преклонив колени у могилы и оплакивая умерших, страдал бы точно так же.

– Я могу объяснить тебе этот обычай и как мы повезем огни домой, но ты поймешь лучше, если увидишь все своими глазами.

– Можно мне участвовать?

Рот Бришена изогнулся в улыбке. Привычным жестом он поднес ее руку к губам и поцеловал костяшки пальцев, потом встал и помог подняться Ильдико.

– К сожалению, освящение могут проводить только каи. Но ты будешь смотреть. Для меня это честь.

* * *

Когда стало смеркаться, свита принца в полном составе собралась на поляне. Вчера Ильдико была слишком уставшей, чтобы познакомиться с вновь прибывшими и рассмотреть их. Кроме того, официальному представлению принцессы помешала кровавая схватка с убийцами из Беладина, а после все были заняты тем, что разбивали лагерь и убирали погибших.

Бришен сказал, что они отправятся в путь только завтра ночью. Сегодняшний вечер посвящен погребению трех павших в битве воинов.

– А наемники? – спросила Ильдико, стараясь не оглядываться ежесекундно на трупы, сложенные в кучу на обочине дороги.

Бришен сощурил сияющие глаза.

– Сожжем их перед отъездом, а прах вернем Белавату. Мы получили его сообщение. – Голос Бришена был холодным, равнодушным.

Ильдико вздрогнула, но не от его ледяного тона, а от осознания, что их обоих пытались убить из мести. Очевидно, их брак таит опасности куда более серьезные, чем общее ложе и быт с чужестранцем. Она не тешила себя иллюзиями, что мужчина, попытавшийся вытащить ее из-под телеги, хотел только припугнуть. Наемник бы с улыбкой зарезал ее на месте. Ильдико порадовалась, что он мертв и что убил его именно Бришен.

Некоторым, возможно, показалось бы странным, что она не боится мужа. Несмотря на пугающий внешний вид и беспощадность в битве, с супругой Бришен был безукоризненно вежлив и обходителен.

Когда с обустройством лагеря было покончено, он представил жену отряду каи, явившемуся им на выручку, и Мертоку – своему распорядителю конюшен. Как и ожидала Ильдико, солдаты были вежливы, но упорно избегали смотреть ей в глаза. Зато они тарасились на нее, раскрыв рот, когда им казалось, что она этого не видит, и ей хотелось скосить глаза и посмотреть, как те на это отреагируют.

Ее муж был столь же догадлив, сколь обходителен.

– Даже не думай, – прошептал он ей на ухо, обнимая за талию. – Видишь, половина воинов чистит или точит оружие. Мне совсем не хочется, чтобы кто-нибудь от испуга перерезал себе горло.

Ильдико прикрыла рот ладонью, чтобы не рассмеяться. От ответной хищной улыбки Бришена волосы на теле встали дыбом, но она ничуть не испугалась и обхватила его руку, лежащую на ее талии, своей.

Над их головами ярко светила луна – по меркам каи разгар дня, – когда все сопровождающие, кроме часовых, собрались на поляне и обступили кольцом троих погибших. После смерти они выглядели точно так же, как при жизни, за исключением цвета кожи. Ранее свинцово-серая, с чуть заметным лиловым оттенком, она приобрела цвет остывшей золы. Тела обрядили в броню и уложили в ряд. Руки скрестили на груди, оружие оставили рядом на земле. Ильдико стояла на пне за кругом и могла видеть происходящее поверх плеч погребальной процессии.

В круг вошла Анхусет с небольшой урной в руках. Она налила из нее немного масла себе на пальцы и присела, чтобы нарисовать на лбу покойников какой-то таинственный знак. Как и все каи, в бледном свете луны она казалась элегантной и неприступной. Волосы отливали серебром. Она затянула песню на языке каи, которую тут же подхватили остальные. Ильдико не поняла ни слова, но догадалась, что воины оплакивают погибших.

Панихида продолжалась, голоса становились все громче и громче. Воины чуть покачивались в такт, а их глаза ярко светились в темноте. Со своего места Ильдико видела Бришена. Он стоял на противоположном от нее краю круга и пел вместе со всеми.

Ильдико ахнула, широко распахнув глаза, когда тела мертвых каи вдруг окутало слабое свечение, которое омывало покойных, как приливная волна. Неожиданно она взметнулась вверх и повисла в воздухе, как нимб. Свет разделился на три потока, и каждый из них постепенно принял форму, отдаленно напоминающую фигуру человека или каи.

Солдаты продолжали петь, высокие женские голоса сливались с низкими мужскими. От каждой светящейся фигуры отделился маленький – не больше мотылька – огонек. Искра памяти. Огонь жизни.

Бришен и еще двое выступили из круга и подошли к телам. Фантомы окутали их, будто кружа в танце под звуки песни. Глаза Ильдико наполнились слезами, когда Бришен и двое воинов раскрыли объятия. Извиваясь и покачиваясь, духи полностью скрыли фигуры живых и лучами света проникли каждому в рот и нос.

Ужас и изумление охватили Ильдико, когда она увидела, как души мертвых завладели телами своих добровольных хозяев. Бришен объяснял ей, что каи – ночные создания. Они по возможности избегают солнечного света и днем стараются отдыхать. Но глядя на то, как супруг и двое его подчиненных светятся изнутри огнем душ погибших, она решила, что сумеречные каи – самые светлые из всех живых существ, каких ей только доводилось видеть.

Бришен сиял, как факел, его горящие глаза приобрели желтоватый цвет вместо привычного перламутрового. То же самое произошло с двумя другими. Один пошатнулся, как от толчка. Огонь жизни пульсировал, светясь сквозь одежду, словно свеча, горящая внутри живого светильника.

Светящиеся фантомы окончательно покинули свои земные пристанища под последние строки песни и растворились в бескрайней ночи, оставив огонь жизни в теле новых хозяев. Тела погибших рассыпались внутри доспехов в тонкую пыль, которая вскоре впиталась в землю.

Песня стихла. Каи молча стояли в круге. Слышно было только свист холодного ветра. Ильдико спрыгнула на землю и поспешила к Бришену. Он тяжело навалился на Ахнусет и был бледен, как мертвый Талумей, даровавший ему на хранения свои воспоминания. Двое других солдат выглядели немногим лучше и держались на ногах лишь с чужой помощью, будто огни жизни вытянули из них все силы. Глаза Бришена пылали, как солнца. Он дрожащей рукой потянулся к Ильдико.

Она с силой сжала его ладонь и притянула мужа к себе.

– Ахнусет, помогите мне довести его до палатки.

Та кивнула и сделала кому-то знак рукой. Подошли двое солдат. Бришен почти повис на руках между ними. Его довели до палатки и уложили на тюфяк. Ильдико опустилась рядом с ним на колени и взяла за руку. Его глаза были закрыты, но огонь жизни сиял сквозь веки.

Анхусет села на землю с другой стороны.

– Он пробудет в таком состоянии несколько часов. После начнется посмертная горячка.

Ильдико почувствовала, как от страха сжимается желудок.

– Посмертная горячка? Он ничего мне об этом не говорил.

Анхусет вытянула из-под неподвижного тела Бришена одеяло.

– Принявший огонь погружается в воспоминания умершего, пока окончательно не привыкнет к ним. Это длится недолго, но переносится очень тяжело.

– Крылатый Берсен! И все как через это проходят? – Ильдико успела изменить свое мнение об этом обычае. Она гладила руку мужа большим пальцем.

– Те, кто пожелает, – пожала плечами Анхусет. – Бришен сам вызвался принять воспоминания Талумея и доставить их в Харадис. Он передаст огонь жизни матери мальчика, как только мы доберемся домой. Я побуду здесь с вами, пока не закончится горячка.

Анхусет расслабленно откинулась на столбик палатки, но Ильдико не дала себя одурачить. Она еще раньше замечала, как Бришен ведет себя с сестрой. Та явно волнуется.

– Я не причиню ему вреда, Анхусет. Не нужно защищать его от меня, – мягко пошутила она.

Анхусет посмотрела на нее без улыбки.

– Во время посмертной горячки каи иногда впадают в буйство. Я защищаю не его, а вас, Ваше Высочество.

Глава 8

Воспоминания – особенно чужие – сводили с ума. Бришен лежал на тюфяке с закрытыми глазами, а перед его внутренним взором память юного Талумея и его собственная сплетались в причудливый узор. Перед ним мелькали любимые лица – какие-то из его жизни, какие-то из жизни Талумея, – а в сердце оживали чувства, которые эти лица вызывали. Отец, мать, две сестры.

Бришен протянул руку к строгому, полному достоинства лицу пожилой женщины.

– Мама, – прошептал он.

– Что с твоей мамой, Бришен?

Голос был ему знаком. Анхусет, его командующая. Бришен нахмурился. Нет, это он ее командующий. Ее двоюродный брат и командир.

– Мама, – повторил он. – Я ее люблю. Ее зовут Таравин.

– Нет, Бришен, – снова заговорила сестра. – Твою мать зовут Секмис, она королева Равнин. Сумеречная королева Баст-Харадиса.

Бришен нахмурился. Образ Таравин сменился другим – лицом удивительной красоты, за которым скрывалась холодное, жестокое нутро. Эта женщина с темной душой однажды завладела сердцем короля.

– О чем это он? – спросил новый голос на всеобщем с певучим акцентом гаури. Неприглядная херцегеши с пугающими глазами.

– Зато красивая внутри, – сам себе возразил Бришен. – Смешливая.

– Он путает свою мать Секмис с матерью Талумея, Таравин, – ответила гаури Анхусет, также на всеобщем. – Я не знакома с Таравин лично, но хорошо знаю мать Бришена. Она редко смеется.

Бришен хотел объяснить, что имел в виду Ильдико, а не Таравин, но язык будто прилип к небу. Ему было очень жарко, он весь горел, словно лежал под палящим солнцем.

– Воды, – прохрипел он.

Сухих губ коснулся край чаши, и Бришен сделал несколько жадных глотков. Прохладные ласковые пальцы погладили пылающий лоб. Он открыл глаза и увидел, что на него смотрит Ильдико. Встретив ее взгляд, он инстинктивно дернулся и попытался подняться.

– Ваше Высочество, – пробормотал он.

Солдату не пристало грубо нарушать протокол, валяясь на ложе в присутствии принцессы.

Ильдико. Когда они одни, он называет ее Ильдико. Две пары рук уложили его на тюфяк. Бришен моргнул, заметив чашу с водой, которую протягивала ему Анхусет. Он повернулся к Ильдико.

– Ты узнаешь меня, Бришен? – негромко и обеспокоенно спросила она, поглаживая его по руке.

Из-за постоянно сменяющих друг друга картин перед глазами все плыло. Желудок протестующе сжимался. Бришен зажмурился.

– Моя жена, – сказал он. – Моя Ильдико.

– Да, Бришен, я твоя Ильдико. – Ее голос и прикосновения успокаивали. – Мы с Анхусет побудем с тобой, пока не пройдет лихорадка.

Он хотел поблагодарить их за беспокойство. Ильдико ни разу не видела посмертную горячку – неприятное зрелище, а Анхусет еще не оправилась после

тошнотворного картофеля, который ела на свадебном пиру. Воспоминание о дымящейся личинке на тарелке перебило бессвязный поток образов. Рот наполнился желчью и слюной.

– Меня сейчас стошнит, – пробормотал он.

Он не успел договорить, как его повернули на бок. Чьи-то руки подняли ему голову и отвели с лица волосы, пока он опорожнял желудок. Нахлынули картинки: как он в детстве болел целую неделю, и его тошнило в резную деревянную чашу, которую он прижимал к груди, а Таравин ласково его подбадривала, повторяя, какой он храбрый мальчик. Следом пришло похожее воспоминание: он в огромной кровати, держит серебряную лохань, а придворная няня, стоя на безопасном расстоянии, смотрит на него с отвращением.

Лица коснулась прохладная влажная ткань, и он поймал руку, которая ее поднесла, за запястье. Рука была тонкая. Такую легко сломать. Бришен проследил большим пальцем тонкую сеть вен под кожей. Они были не толще шелковой нити, но в них ровно бился пульс.

Приоткрыв глаза, он увидел, что это Ильдико обтирает ему лоб. Другой рукой она пригладила его волосы.

– Сначала битва, потом рвота. А ведь ты едешь в Харадис, чтобы быть представленной ко двору. – С самого отъезда из столицы Гаура все шло не так. – Хочешь, я отвезу тебя домой?

Если она скажет «да», он не станет ее осуждать.

Она улыбнулась, обнажая квадратные зубы.

– Мы и так едем домой, Бришен. У меня в Присиде ничего не осталось.

– А семья?

Улыбка погасла.

– Семья – это не только кровные узы. Мои родные погребены в склепе с видом на море. Теперь у меня новая семья. – Она провела пальцем по его брови. – Дать воды? Не хочешь прополоскать рот?

Бришен кивнул и принял предложенную Анхусет чашу. Он откинулся на спину, тяжело дыша, борясь с тошнотой, которая накатывала при воспоминаниях Талумея. Бришен чувствовал себя так, будто пил всю ночь, а утром его запихнули в пустую бочку, заткнули пробкой и швырнули в бушующее море. Он усилием воли заставил себя не думать о картофеле.

Слышно было, как рядом вытирают пол. Бришен хотел извиниться за беспорядок, но не решился открыть рот, боясь, что сведет на нет все усилия уборщиков.

Он не заметил, как погрузился в беспокойный сон, и его обступили образы, состоявшие из своих и чужих воспоминаний. Бришен ворочался на ложе и срывал с себя одеяло. Сквозь сон он услышал испуганный вскрик и два голоса, говорящие на всеобщем.

– Он тебя порезал?

– Только рукав. Крылатый Берсен, какая у тебя реакция!

– Недостаточно быстрая.

– Это всего лишь рукав, Анхусет.

– Хорошо, что не лицо или горло, Ваше Высочество. Вам не следует здесь оставаться.

– Напротив.

– Тогда хотя бы сядьте подальше, пока он не придет в себя. Во второй раз я могу не успеть.

Бришен попытался сбросить с себя оковы сна. Он убьет того, кто поднял руку на его жену, раскроит ему череп, как тому наемнику из Беладина, который на нее

напал. Она не красивая, нет – она прекрасна и принадлежит ему.

– Моя Ильдико, – прошептал он.

Больше не было ласковых прикосновений, но его успокоил ее голос:

– Я здесь, Бришен. Я никуда не уйду.

Он очень на это надеялся.

Глава 9

Шел четвертый день пути, и Ильдико заскучала по солнцу. Она задумчиво перебирала гриву коня.

Отряд все ближе подъезжал к Харадису. Луна в небе сияла тоненьким серпом, и было так темно, что Ильдико почти ничего не видела. Каи в своей темной броне казались неясными тенями, а их горящие глаза напоминали светлячков.

Ильдико доверилась чутью коня, который помнил дорогу домой и инстинктивно держался поближе к остальным. Позади поскрипывали колеса телеги, где-то вдали выли волки. Негромко переговаривались между собой каи.

На мгновение у Ильдико возникло неприятное ощущение, будто она совершенно одна покачивается в утлом суденышке на волнах бескрайнего моря. Впереди – невидимый горизонт и далекий берег, до которого ей не доплыть, а под толщей воды, в темной глубине – огромные левиафаны, обитающие в морской бездне чудовища, глотающие корабли целиком.

Она всем сердцем стремилась приспособиться к новой жизни и сродниться с каи, но сейчас ее решимость пошатнулась. Для каи она чужестранка со странным лицом и непонятными привычками. Ильдико усилием воли подавила внезапный приступ паники и острой тоски по дому. Ей и без того будет нелегко освоиться в незнакомом доме и привыкнуть к традициям нового окружения. И дело не в чужих обычаях. Каи ведь даже не люди. Они древняя уединенная раса,

избегающая солнца. Они поглощают души своих умерших. Совсем не похожи на гаури и на другие известные Ильдико народы. При дворе каи она будет словно несмышленный ребенок, который только учится ходить. Наверняка она наделает кучу ошибок и не раз поставит себя – и Бришена – в неловкое положение. От этой мысли сердце куда-то провалилось.

Муж ехал чуть впереди, всецело поглощенный беседой с распорядителем конюшен. Отряд Мертока, примкнувший к ним во время схватки с убийцами из Беладина, значительно увеличил численность свиты. Бришен заверил Ильдико, что теперь потребуется кое-что посерьезнее кучки головорезов, чтобы справиться с ними. Все были начеку, а в дневное время, когда останавливались на отдых и разбивали лагерь, выставляли вдвое больше часовых.

Будто почувствовав ее взгляд, Бришен оглянулся через плечо и придержал коня. Окружавшие его воины тоже остановились, дожидаясь, пока Ильдико их догонит. Муж устало улыбнулся ей, и даже в темноте она заметила, как заострилось его лицо. Посмертная горячка почти прошла, но его все еще немного лихорадило, и выглядел он изможденным.

– У тебя печальное лицо, жена. Мучают мрачные мысли?

Она не знала, стоит ли ему говорить. Придя в себя после лихорадки и обнаружив рядом жену и сестру, Бришен стал еще более предупредительным и заботливым по отношению к Ильдико. Пользуясь недавно обретенным положением принцессы, она взяла с Анхусет обещание не говорить принцу про разорванный рукав, если только тот не спросит прямо.

– Вы хотите, чтобы я солгала двоюродному брату и командиру, Ваше Высочество? – уточнила Анхусет, прищурив сияющие глаза.

Ильдико снимала испорченное платье, ощущая на себе взгляд каи, одновременно неодобрительный и любопытный. Она поспешно переоделась и принялась затягивать шнуровку. Вряд ли воины обратят внимание на ее внешний вид, пусть даже она одета как прачка в день стирки.

– Ничего подобного. – Ильдико провела руками по юбке, безуспешно пытаясь ее разгладить. – Если он спросит, что произошло, вы расскажете, но совершенно ни к чему волновать его из-за такого пустяка, как порванный рукав.

– Могло быть гораздо хуже, – упрямо возразила Анхусет, скрестив руки на груди.

С этим Ильдико не стала спорить. Она в самом деле легко отделалась. Сердце едва не выпрыгнуло из груди, когда Бришен внезапно замахнулся и рассек рукав когтями, будто ножницами. Она не успела даже вскрикнуть, потому что Анхусет одним сильным движением отшвырнула ее в дальний угол палатки.

– Зачем ему знать? Он лишь начнет волноваться попусту и терзаться чувством вины. Что сделано, то сделано. Я не пострадала.

– Вам не следует что-либо от него скрывать, – не сдавалась Анхусет.

Ильдико сдула со лба прядь волос и снова опустилась на пол рядом с Бришеном, стараясь сесть так, чтобы он не смог до нее дотянуться.

– Я ничего не скрываю, просто если он узнает, ничего хорошего не будет. – Она скрестила руки на груди, точно как Анхусет. – Обещаете мне? Не говорить ничего, пока он не спросит сам?

Они молча буравили друг друга глазами. Наконец Анхусет вздохнула.

– Обещаю ничего не говорить Его Высочеству, пока он не спросит, – мрачно пообещала она. – Вы изворотливы, как придворные каи, все готовы вывернуть наизнанку, лишь бы вышло по-вашему.

Ильдико уловила в похвале завуалированное оскорбление, но не обиделась.

– Ну хоть в чем-то наши народы похожи.

Заклучив нелегкую сделку, они погрузились в неловкое молчание.

Молитвы Ильдико были услышаны: Бришен пришел в себя и совершенно не помнил, как в бреду едва не ранил жену. Анхусет явно распирало от желания все ему рассказать, но она молчала и занималась делами с Мертоком.

– Ильдико, где ты витаешь?

Она моргнула, возвращаясь в реальность. Бришен махал рукой перед ее лицом.

– Прости. Задумалась. – Она улыбнулась, вспомнив его первый вопрос. – Никаких мрачных мыслей, мне просто стало любопытно. Лежа в лихорадке, ты спутал свою мать с матерью Талумея. Анхусет говорит, что твоя мама редко улыбается.

Она намеренно не спросила прямо, давая ему возможность уйти от ответа. Но он лишь откинулся в седле и расслабил плечи.

– Анхусет права. Королева редко улыбается. А если и улыбнется, жди ножа в спину.

Ильдико смотрела на мужа, раскрыв рот. Он говорил о матери таким будничным тоном, словно ее жестокость – нечто сродни одержимости оранжевыми домашними туфлями.

– Ты не шутишь?

– Вовсе нет, – тем же тоном ответил он. – Думаю, отец со дня свадьбы спит вполглаза.

Ильдико внутренне содрогнулась при мысли о скорой встрече со свекровью. Ее тетушка Фантина была волевой женщиной. Высокомерная, самодовольная и изворотливая, она правила опутанной сетью интриг Гауром железной рукой. Но Сангур не ожидал от нее нападения во сне. С королевой каи, очевидно, дело обстоит иначе.

– Что-то я теперь не горю желанием знакомиться с ней, Ваше Высочество.

Послышались приглушенные смешки солдат. Ильдико поймала лукавый взгляд Бришена.

– Как по-твоему, стоит мне надеть нагрудник на официальное представление?

– Я тебя защищу, – улыбнулся Бришен, сверкая острыми, как кинжалы, зубами. – Она ничего тебе не сделает. Она счастлива уже тем, что мне пришлось взять в

жены человеческую женщину. Секмис обожает замышлять убийства, но еще больше любит смотреть на чужие страдания. – Он подъехал чуть ближе и наклонился к Ильдико. – Непременно веди себя так, будто тебя от меня тошнит, будто тебя угнетает выпавший тебе жребий, – прошептал он. – Тогда она сделает так, чтобы мы ни на секунду не разлучались.

У Ильдико голова шла кругом. Ясно одно – скучать не придется. Все силы и внимание уйдут на то, чтобы на шаг опережать коварную свекровь. Ильдико не могла взять в толк, как эта змея смогла воспитать такого сердечного и веселого сына.

– Наверняка ты пошел характером в отца, – предположила она.

Солдаты дружно рассмеялись. Бришен широко улыбнулся.

– Едва ли. Мать тоже спит вполглаза. – Потянувшись к Ильдико, Бришен взял ее за руку и чуть сжал. – Не беспокойся. Ты узнаешь моих родителей, когда встретишься с ними лично. После расскажешь мне, какими они тебе покажутся. Вместе посмеемся.

Ильдико не улыбнулась в ответ. Ему смешно, а она в ужасе. Выпрямившись в седле, она судорожно вцепилась в поводья. Пусть свекор со свекровью и опасны, она не даст себя запугать.

– Мы вряд ли сильно отличаемся от любой другой королевской семьи, человеческой или каи, – сказал Бришен. – У нас тоже браки заключаются для укрепления власти, увеличения земель и рождения наследников. Свадьба всегда деловое соглашение. – Его улыбка погасла, и он серьезно продолжил: – Большая удача – встретить в супруге доброго друга.

Его последние слова в точности описывали родителей Ильдико. Они любили друг друга, но такая любовь была огромной редкостью среди аристократов Гаура. Между Сангуром и Фантина не было ничего подобного. Браки заключались ради выгоды и по политическим причинам. Нежные чувства и вожделение приберегали для фаворитов или случайных любовников.

– А как же фаворитки? – спросила Ильдико. Ей почему-то не хотелось думать о том, что у Бришена может быть любовница. Эта мысль задевала.

Бришен выгнул черную бровь.

– Фаворитки?

– Сколько их у тебя? Дюжина?

Его губы изогнулись в улыбке, и Ильдико вздернула подбородок. Она имеет право на этот вопрос. У каждого из ее кузенов была любовница и целый выводок бастардов, а у дяди – короля – даже официальная фаворитка по имени Аннаис, за что ее величество Фантина была ему очень признательна.

Бришен не выдержал и улыбнулся.

– Дюжина? Я бы и с одной не справился. Кроме того, у меня теперь жена гаури. Зачем мне еще и любовница?

Его ответ озадачил Ильдико.

– Но ведь любовницы не для этого.

– А для чего? Думаю, все хотят скрасить одиночество, жена. Физическое или гораздо более глубокое, душевное. – Его глаза странно вспыхнули, и он перестал улыбаться. – Одиночество – будто бездна. А друг, как сказали бы люди, – свет во тьме. – Он чуть сощурился, и от этого резче обозначились морщинки в уголках глаз.

Бришен вдруг остановил коня и перехватил поводья Ильдико, чтобы и ее конь остановился. Должно быть, он незаметно сделал знак сопровождающим, потому что солдаты окружили их широким кольцом.

– Что такое? – спросила Ильдико. – В чем дело?

Его тяжелый взгляд ощущался почти физически, но не как толстое зимнее одеяло в жаркий день, а скорее как крепкие объятия. Ильдико вновь пожалела, что не может распознать выражение его горящих глаз и не видит яркую, как огонь, душу, что скрывается за ними.

– Сможешь ли ты, Ильдико, сделать это? – спросил он. – Стать для меня светом маяка в непроглядной тьме?

Сердце сжалось. Одиночество – вечный спутник – преследовало ее долгие годы, словно тень. Она отлично понимала, о какой тьме говорит Бришен. Ее ответ возможно покажется ему сейчас лишенным смысла, но позже она объяснит ему все наедине.

Ильдико протянула руку и прошлась пальцами по его кольчуге.

– Эта тьма напоминает мне море в ночи, когда не видно берега. Я стану для тебя маяком, Бришен.

Он поймал ее руку и поцеловал ладонь. Его губы были прохладными.

– Родители возненавидят тебя, жена.

Ильдико ощутила, как вся кровь отхлынула от лица. Бришен улыбнулся.

– Не бойся. Это хорошо. Они ненавидели меня с самого рождения. Им нравится только то, что можно уничтожить.

Казалось, он хочет сказать что-то еще, но его внезапно прервали радостные крики. Ильдико силилась понять стремительный поток незнакомых слов, которыми обменивались солдаты, но узнала лишь «Харадис» и «врата». Она повернулась к Бришену.

– Что они говорят?

От его ответа в животе будто взметнулся рой бабочек.

– За этим холмом Баст-Харадис и его столица. Добро пожаловать в мое королевство, Ильдико из Каи.

Бришен с Ильдико шли по длинному коридору в тронный зал. Она стискивала его руку так крепко, что он ощущал это даже сквозь наручи. Кроме бледности и судорожно сжатых пальцев, ничто не выдавало ее волнения. Лицо Ильдико казалось безмятежным, а шаги звучали в полумраке уверенно.

Чем ближе они подъезжали к Харадису, тем тише становилась Ильдико. Когда они поднялись на вершину холма, с которого был виден окруженный такими же холмами и окутанный дымкой город в низине, она и вовсе замолчала. На вопросы Бришена она отвечала либо кивками, либо односложно: «да» или «нет». От нее сильно пахло страхом.

- Ты не одна, Ильдико, - заверил он ее в десятый раз.

Когда они только вошли в коридор, она, услышав эти слова, просто кивнула. Сейчас же обернулась к Бришену. Ее глаза были непроницаемы.

- Мы в Баст-Харадисе, Бришен. Я человек. Здесь я совершенно одна.

Он резко остановился, и она тоже замерла. Бришен посмотрел в странные глаза жены, коснулся ее ярко-рыжих волос и бледной кожи, менявшей цвет в зависимости от настроения Ильдико. Придворные отреагируют на ее внешность гораздо более бурно, чем солдаты, сопровождавшие их из Гаура. Долгие годы каи предпочитали жить в уединении, поэтому большинство аристократов никогда не видели людей. А те, кто видел, ничего не помнили за давностью лет. Они, разумеется, будут разглядывать Ильдико, шептаться или делать еще что похуже.

Бришену хотелось защитить ее, оградить от неизбежного испытания в виде официального представления ко двору, полному змей, и тех, кто ими управляет - его родителей. Но это не в его власти. Ей, человеческой женщине, придется предстать перед ними - перед теми, кто считает людей добычей. Но она будет не одна.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Херцегеши - производное от венгерского herceg - принц, hercegese - принцесса (здесь и далее - прим. переводчика).

Купить: https://telnovel.com/dreyven_greys/siyanie

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)